

МИНИСТЕРСТВО ТРАНСПОРТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное агентство морского и речного транспорта
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
Высшее профессионального образования
Институт морского транспортного менеджмента, экономики и права
Кафедра: «Теории и истории государства и права»
Курсовая работа по дисциплине
«История отечественного государства и права»
На тему: «Договоры Руси с Византией»
Выполнил студент группы 1711
Симеоиди Павел
Научный руководитель
Голубкина К.В.
Новороссийск 2014

ВВЕДЕНИЕ

Проблема происхождения права является одной из самых актуальных в истории любого государства. Каждая страна по-своему формировала свою систему права: где-то оно сформировалось самостоятельно, где-то было перенято от других. Именно изучение становления права позволяет создать объективную картину исторического развития той или иной страны.

Во время становления Древней Руси право было представлено в основном нормами обычного права, и в этот же период появляются договоры. Это были как договоры международные, так договоры русских князей между собой.

Договоры Руси с Византией - первые известные международные договоры Древней Руси, заключённые в 907, 911, 944, 971, 1043 годы. Сохранились только древнерусские тексты договоров, переведённые с греческого языка на старославянский и дошедшие в составе «Повести временных лет», куда они были включены в начале XII века.

В IX - X вв. на Руси не существовало письменных сборников обычного права. Впервые письменную форму стали применять только при заключении договоров. Договор стал главным средством перехода от обычного права к законодательству. Наука знает различные типы договоров, среди которых, прежде всего, выделяются международные договоры.

Целью данной работы является рассмотрение правового содержания и значения договоров Руси с Византией.

Исходя из вышеизложенного, необходимо сформулировать следующие задачи данной работы:

изучить правовое содержание международных соглашений Руси с Византией;
проследить, какие сферы деятельности обоих государств регламентируются в договорах, к каким отраслям относятся нормы, разработанные в договорах;
оценить выгодность данных договоров для Руси;
рассмотреть полемичный вопрос о том, какое право в договорах преобладает: русское или византийское;

оценить значение данных договоров для развития древнерусского права.

Методология и методика исследования: в основу положены методы сравнительного анализа, функционального и системного подхода, критического анализа и синтеза.

Практическая значимость исследования: данная работа позволяет расширить круг знаний по теме.

1. ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРОВ

Первые международные соглашения - договоры Руси с Византией. Это не случайно, т.к. киевские князья в X в. проводили свою внешнюю политику посредством военных походов на Византию. При этом Русь, в первую очередь, стремилась приобрести заморские рынки и обеспечить для русского купечества безопасность торговых путей. Известны походы Олега (907 г.), Игоря (941 г. и 944 г.), Святослава (971 г.) и др. Результатом походов были торговые соглашения. Летопись сохранила четыре договора Руси с Византией: Олега 907 и 911 гг., Игоря 945 г. и один краткий договор или только начало договора Святослава 971 г. Очень вероятен тот факт, что предварительный договор 907 г. был подтвержден Олегом в 911 г. формальным договором. Договоры составлялись на греческом языке и с надлежащими изменениями формы переводились на язык, понятный Руси. Все договоры, по мнению В.О. Ключевского, отличаются замечательной выработкой юридических норм, особенно международного права.

В повести временных лет летописец отметил, что Олег послал своих послов в Константинополь “построити мира и положити ряд” между Русью и Византией. В этих словах четко определен характер соглашения 911 г.: с одной стороны, это “мир”, а с другой -- “ряд”. Понятия эти для летописца не равнозначные. Судя по тексту договора, под “миром” подразумевается именно общеполитическая его часть. И это не просто “стилистика”, “нравственная сентенция”, формальный протокол, как об этом писали Д. М. Мейчик и А. В. Лонгинов, а отражение существующих исторических реалий, которые действительно отложились в стереотипные протокольные фразы, взятые уже давно на вооружение государственно-дипломатическими службами многих стран раннего средневековья.

Договор 911 г. говорит об “удержании” и “извещении” “бывшей любви” между двумя государствами. Первая статья договора, идущая после протокольной части, непосредственно посвящена этому общеполитическому сюжету: “Суть, яко понеже мы ся имали о божьи вере и о любви, главы таковыа: по первому убо слову да умиримся с вами, грекы, да любим друг друга от всеа души и изволения...”, а далее идет текст, который говорит, что обе стороны клянутся “на сохранение прочих и всегда лет”, “непреложну всегда и во вся лета” соблюдать “любовь непревратну и непостыжну”. Данное политическое обязательство сформулировано именно в виде отдельных глав, одна из которых говорит об обещании Руси хранить этот мир, а другая отражает то же обязательство со стороны греков: “Тако же и вы, грекы, да храните тако же любовь ко княземъ нашим светлым рускым...”²

В 944 г. Игорь, при содействии варягов и печенегов, возобновил свое нападение на Грецию, но греческие послы встретили его еще по эту сторону Дуная и предложили выкуп, вследствие чего Игорь возвратился в Киев.

Договор 944 года заключён после неудачного похода войск князя Игоря на Византию в 941 и повторного похода в 944. Подтверждая в несколько изменённом виде нормы 911 года, договор 944 года обязывал русских послов и купцов для пользования установленными льготами иметь княжеские грамоты, вводил ряд ограничений для русских купцов. Русь обязалась не претендовать на крымские владения Византии, не оставлять застав в устье Днепра, помогать друг другу военными силами.

В 945 г. прибыли в Киев греческие послы для подтверждения этого мира; с ними Игорь отправил в Царьград собственных послов, которые и заключили договор, приводимый летописцем под 945 г. Договор этот не известен византийским историкам, что послужило Шлецеру одним из главных оснований к сомнению в подлинности его, но позднейшие исследования устранили эти сомнения. В этом, наиболее пространным из договоров русских с греками X в., весьма много положений частного международного права, в которых усматривали древнерусские народные обычаи; на основании их Эверс нарисовал цельную картину нашего древнего юридического быта. Положения эти действовали только на греческой территории и притом в столкновениях греков с русскими (а не русских между собою), доказывает, что при составлении этого договора русские обычаи принимались во внимание лишь постольку, поскольку не противоречили стремлению греков наложить узду на примитивные нравы Руси и в частности на господствовавшее у нее начало самоуправства. Этим значение договора, как источника русского права, в значительной степени умалется, зато выдвигается другая сторона договоров русских с греками, как первых по времени памятников, в которых выразилось влияние на Русь Византии. Заключение Святославом договора с Византией в июле 971 года произошло, как сообщает русская летопись, после того, как Святослав, убедившись в малочисленности своей дружины в развале антивизантийской коалиции и враждебности печенегов, направил своих послов к Цимисхию с просьбой о мире. Причем летописец убежден, что Святослав находился в это время в Переяславце, а Цимисхий в Доростоле.

«Се же слышавъ, царь, - отмечает далее летопись, - радъ бысть и посла к нему дары болына первых». Лев Дьякон, знавший подробности событий под Доростолом, сообщает, что наутро после последней битвы Святослав направил своих людей с предложением мира из Доростола в греческий лагерь под городом, однако о самих переговорах - заключении мира и благожелательной реакции Цимисхия на русское предложение (император «охотно принял предложение союза») византийский хронист пишет примерно то же, что и русский летописец.

Как уже говорилось, русские послы и гости во все время своего пребывания в Константинополе пользовались от местного правительства даровым кормом и даровой баней - знак того, что на эти торговые поездки Руси смотрели не как на частные промышленные предприятия, а как на торговые посольства союзного киевского двора. По свидетельству Льва Диакона, такое значение русских торговых экспедиций в Византию было прямо оговорено в трактате Цимисхия со Святославом, где император обязался принимать приходящих в Константинополь руссов в качестве союзников, «как искони повелось...»

2. ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СОГЛАШЕНИЙ РУСИ С ВИЗАНТИЕЙ древнерусский византия договор правовой

2.1 Торговые отношения, закрепленные в договорах с Византией

Налаживание тесных связей с Византией, крупнейшей державой торгового мира, имело для Руси не только политическое, но и большое экономическое значение. Империя имела большой вес, рынки приносили хорошую прибыль, сопровождение купеческих караванов давало постоянный источник дохода князьям. Русь хочет быть на равных с самой могущественной державой тех лет, Византией и требует, говоря нашим языком, предоставления ей «режима наибольшего благоприятствования» в торговле.

Вследствие заключения договоров, русским купцам в Византии, как и греческим на Руси, дозволяется ездить свободно, пошлину не платить, устанавливать свои цены, покупать, что пожелают, и буде везде помощь, приязнь имати за месячину». Если судить по Начальной летописи, то и военные походы на Царь-град были вызваны желанием русов получить экономические выгоды и поддержать выгодный уровень торговли. Еще в договоре Цимисхия со Святославом было прямо сказано, что Царьград готов принимать торговлю русов в качестве союзников, «как искони повелось». По договору Олега русские купцы вообще не платили ромеям никакой пошлины. «Читая эти договоры, легко заметить, какой интерес связывал в X в. Русь с Византией. Всего подробнее и точнее определен в них порядок ежегодных торговых сношений Руси с Византией, а также порядок частных отношений русских в Константинополе к грекам; с этой стороны договоры отличаются замечательной выработкой юридических норм, особенно международного права».

Византия стала крупнейшим торговым партнером Древней Руси, хотя в первой трети X в. она и платила дань Руси в виде «укладов» и фиксированной денежной суммы (в виде продуктов на дорогу и на время их пребывания в стране). Русские купцы пользовались в Константинополе торговыми и иными льготами (не платили торговых пошлин и т. д.). Византию посещало не менее 400-500 человек, останавливаясь в предместье св. Маманта (у Маманта, «Мамы»). Глядя на развитую систему торговли ромеев, русские проникались мыслью о важности роли торговли и купечества. Это был знак для торговых городов Руси - Киева, Новгорода, Пскова и др. Ш. Диль писал: «Константинополь был исключительно богатым и цветущим городом».

2.2 Военные сотрудничество и другие отношения договорах с Византией

Статьи военного характера приобретают Новый аспект в договоре 944 г. Если в 911 г. имелась лишь одна статья, в которой говорилось о военной помощи со стороны Руси Византии и разрешении руссам оставаться на военной службе в императорском войске в качестве наемников, то в договоре 944 г. развернута целая программа военного союза и взаимной помощи. Д. Миллер совершенно справедливо отметил, что Русь в договоре 944 г. выступает в статусе полноправного союзника Византии. Эту точку зрения разделяет Г. Г. Литаврин. Ясным критерием здесь является определенная договоренность относительно помощи сторон друг другу против общих врагов и охраны одной из территорий региона, в котором заинтересованы оба

государства.

Во второй половине 1-го тысячелетия Византийская империя неоднократно заключала договоры о союзе и взаимопомощи с другими государствами. Условия таких союзов были самыми различными и соответствовали интересам сторон в тот или иной исторический период. Несколько таких договоров о союзе и взаимопомощи были заключены империей в VI в.

Но особенно ярко равные и взаимовыгодные обязательства как Руси, так и Византии отражены в статьях о военном союзе. Русь обязуется не нападать на византийские владения в Крыму, отражать натиск на Херсонес "черных болгар". Византия обязуется предоставить Руси военную помощь по первой просьбе русского князя для противоборства Руси с противниками в этом регионе. В свою очередь Русь дает обязательство оказать империи военную помощь против ее врагов по письменному обращению императора.

Также, договоры регулировали и сферу гражданского права. В статье говорится, что руссы, обнаружив ловцов рыбы из Херсонеса в устье Днепра, не должны причинять им никакого зла: "Аще обрящють въ вустье Днепръ-скомь Русь корсуняны рыбы ловяща, да не творять имъ зла никако же". Днепровское устье тем самым молчаливо признается в этой статье частично сферой влияния Руси, а права жителей Херсонеса, оказавшихся здесь, защищает лишь данная статья грамоты 944 г., причем никаких санкций за ее нарушение договором не предусмотрено и она остается лишь политической сентенцией. Об этом же праве Руси на устье Днепра и примыкающие к нему районы -- Белобережье и остров св. Елферия -- говорит и статья, запрещающая руссам зимовать в этих местах: "И да не имеютъ власти Русь зимовати въ вустьи Днепра, Белъбережи, ни у святаго Ель-ферья; но егда придетъ осень, да идуть въ дома своя в Русь". Следовательно, до осени руссы имели полное и безоговорочное право пребывать в этих местах. В данном случае стороны достигли компромисса. Русь сохраняла за собой влияние в этом регионе, но лишалась стратегически важного права оставлять здесь на зиму свои базы, отряды и т. д.

Обоюдные права и обязанности связывают Русь и Византию относительно порядка пребывания русских посольских и торговых миссий в империи. Византия предоставляет слаб-ное и месячное, снаряжение на обратную дорогу, обеспечивает охрану русских людей. В свою очередь руссы обязуются соблюдать благопристойное поведение на территории империи, порядок прохода в Константинополь и торговли там, покинуть Византию с наступлением зимы.

Помимо прочего, договоры регулируют международные отношения в других областях. Например, договор Олега 911 г. определяет международные обязательства русских о помощи греческим кораблям и пленников (ст. ст. 9,11), о выдаче преступников (ст. 14), о праве руссов свободно поступать на службу к греческому императору (ст. 10). Несколько статей договора Игоря 945 г. посвящены вопросам военной помощи грекам со стороны русских (ст. 15). Русский князь обязывается не позволять «черным болгарам» нападать на византийский город Корсунь, отказываясь при этом сам от притязаний на херсонскую страну («И о Корсунской стране»). Причем Игорь может требовать военную помощь от греков только при том

условии, если навсегда откажется от притязаний на черноморский берег (ст. 8, 10, 11).

3. ЗНАЧЕНИЕ ДОГОВОРОВ С ВИЗАНТИЕЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРАВА

3.1 Историческое значение договора 911 г. Руси с Византией

Последующий анализ соглашения 911 г. подтверждает мысль о том, что перед нами обычный межгосударственный договор. Во-первых, об этом говорит характеристика участвующих в переговорах партнеров: с одной стороны, это “Русь”, с другой -- “Греки” (или “Русь” и “христианы”). Эти понятия, идентичные в данном контексте понятию страны, государства, проходят через весь договор, начиная с преамбулы и кончая заключительной его частью. Во-вторых, об общеполитическом, межгосударственном характере договора 911 г. свидетельствует и то, что он является типичным договором “мира и любви”: его общеполитическая часть повторяет соглашения 860 и 907 гг.

Летописец отметил, что Олег послал своих послов в Константинополь “построити мира и положити ряд” между Русью и Византией. В этих словах четко определен характер соглашения 911 г.: с одной стороны, это “мир”, а с другой -- “ряд”. Понятия эти для летописца не равнозначные. Судя по тексту договора, под “миром” подразумевается именно общеполитическая его часть. И это не просто “стилистика”, “нравственная сентенция”, формальный протокол, как об этом писали Д. М. Мейчик и А. В. Лонгинов, а отражение существующих исторических реалий, которые действительно отложились в стереотипные протокольные фразы, взятые уже давно на вооружение государственно-дипломатическими службами многих стран раннего средневековья.

Договор 911 г. говорит об “удержании” и “извещении” “бывшей любви” между двумя государствами. Первая статья договора, идущая после протокольной части, непосредственно посвящена этому общеполитическому сюжету. Данное политическое обязательство сформулировано именно в виде отдельных глав, одна из которых говорит об обещании Руси хранить этот мир, а другая отражает то же обязательство со стороны греков.

Эта общеполитическая часть совершенно определенно отделена в договоре от последующих статей, посвященных конкретным сюжетам взаимоотношений двух государств. Понятие “мира и любви”, сформулированное уже в обобщенном виде, относится ко всему договору, ко всем “установленным” в нем статьям независимо от того, являются ли они непосредственно связанными с вопросом об “удержании” мира или посвящены более частным вопросам. Но как бы там ни было, эта линия “мира и любви” проходит через весь договор, связана и с общеполитической его частью, и с конкретными сюжетами.

Закономерно возникает вопрос: для чего и Руси, и Византии потребовалось через четыре года вновь возвращаться к этой общеполитической идее, выраженной еще в договоре 907 г.?

Ответ на него содержится в самом договоре 911 г. Там нигде не говорится, что “любовь и мир” заключаются между государствами заново, -- после мира 907 г. это было бы бессмысленным. В договоре лишь отмечается, что послы направлены “на

удержание и на извещение” “мира и любви”, т. е. на закрепление уже достигнутого. Вспомним, что после военных конфликтов 941 и 970--971 гг. “мир и любовь” заключались заново и рассматривались как возврат к “ветхому”, “первому” миру, под которым мы, как отмечалось выше, понимаем договор 907 г. Здесь такого возврата нет: военного конфликта между странами за эти годы не было.

В соглашении 911 г. точно указывается, для чего потребовалось возвратиться к этому “удержанию”: мир 911 г. заключается “не точью просто словесемъ, и писанием и клятвою твердою”, т. е. является, с точки зрения создателей договора 911 г., каким-то новым этапом в договорных отношениях между Византией и древнерусским государством. Возможно, речь идет о первом письменно сформулированном общеполитическом договоре “мира и любви”, повторившем в принципе прежние “словесные” (или в основном словесные) подобные соглашения -- договоры 860 и 907 гг. Интересно отметить, что вопрос о необходимости письменно, а не словесно оформить соглашение относится именно к этому общеполитическому сюжету -- “миру и любви”, а не к последующим за ним главам о “проказе”, что еще раз может навести на мысль, что и в 907 г. могли быть обговорены и закреплены в письменном виде, возможно в виде хрисовула, какие-то конкретные условия, о чем говорят следы документальных отрывков, прослеживаемых в “Повести временных лет” и помеченных 907 г.

Вместе с тем, если в 907 г. договор был оформлен в виде хрисовула, т. е. императорского пожалования, то в 911 г. русские могли настоять на иной форме договора -- на равноправном двустоннем соглашении, поскольку, как отмечали Ф. Дэльгер и И. Караяннопулос, “согласно политической теории византийцев, договор был привилегией, оказанием милости: византийский император снисходил до того, чтобы оказать такую милость иностранным правителям. Именно поэтому византийские императоры в качестве договорных грамот использовали грамоты-привилегии, такие, например, как хрисовулы”. Не исключено, что руссы настаивали на устранении этого “снисхождения”, что также могло быть причиной заключения нового развернутого общеполитического договора. А. А. Зимин подчеркнул, что Олег хотел “подтвердить и укрепить дружбу”, что руссы и до этого “многократно действительно стремились не только на словах, но и в письменной форме и нерушимою присягою, клянясь своим оружием, подтвердить и укрепить эту дружбу...”. А это значит, что письменные соглашения существовали и прежде, как и словесные, как и клятва на оружии, что находит отражение в источнике.

С другой стороны, соглашение 911 г. явилось не только договором “мира и любви”, но и “рядом”. Этот “ряд” относится к конкретным сюжетам взаимоотношений двух государств (или их подданных) в сфере и экономической, и политической.

Первая статья говорит о способах рассмотрения различных злодеяний и мерах наказания за них; вторая -- об ответственности за убийство, и в частности об имущественной ответственности; третья -- об ответственности за умышленные побои; четвертая -- об ответственности за воровство и о соответствующих за это наказаниях; пятая -- об ответственности за грабеж; шестая -- о порядке помощи купцам обеих стран во время их плавания с товарами, помощи потерпевшим

кораблекрушение; седьмая -- о порядке выкупа пленных -- русских и греков; восьмая -- о союзной помощи грекам со стороны Руси и о порядке службы руссов в императорской армии; девятая о практике выкупа любых других пленников; десятая -- о порядке возвращения бежавшей или похищенной челяди; одиннадцатая -- о практике наследования имущества умерших в Византии руссов; двенадцатая -- о порядке русской торговли в Византии (статья утеряна); тринадцатая -- об ответственности за взятый долг и о наказаниях за неуплату долга.

Таким образом, широкий круг проблем, регулирующих взаимоотношения между двумя государствами и их подданными в наиболее для них жизненных и ставших традиционными сферах, охвачен и регулируется этими тринадцатью конкретными статьями, которые и составляют содержание слова “ряд”.

Для того чтобы определить политический характер соглашения 911 г. равноправный ли это договор или императорский хрисовул, обязательство ли Руси или Византии и т. д., необходимо проанализировать договор с позиции того, как в нем отражены и в какой степени интересы этих двух государств.

Уже во вводной части договора, там, где берет слово русская сторона и послы заявляют, что они “от рода руска-го” посланы Олегом к византийским императорам, виден первый признак двусторонности соглашения. Действительно, две стороны -- греки и Русь, Олег и императорское трио -- являются здесь контрагентами в переговорах. Главы “мира и любви” также носят характер двустороннего обязательства при полном равенстве партнеров.

Сначала сформулировано обязательство русской стороны: в договоре от имени руссов идет текст “Да умиримся с вами, греки...”; руссы обязуются не нарушать мира никаким “соблазном” или “виной”. А далее текст хотя и продолжает идти от русской стороны, но содержит на этот счет уже обязательство Византии: “Тако же и вы, греки, да храните тако же любовь ко княземъ нашим светлым руским...” Руссы должны были соблюдать “мир и любовь” навечно (“всегда лет”), и греки обязывались хранить мир “во вся лета”.

В первой же из глав о “проказе” сказано, что греки клянутся согласно обычаем христианской веры, руссы -- языческой. Современный переводчик почему-то упустил этот важный аспект статьи и следующим образом перевел данный текст: “...и когда поклянется сторона та...” Нет, речь идет о том, что заподозренная сторона должна поклясться именно “по вере своей”, что подразумевает и в этом случае двусторонность соглашения и равноправие партнеров.

Точнее перевел этот текст А. А. Зимин: “...и когда присягнет, согласно своей вере...”.

Последующие статьи эту идею двусторонности и равноправности договора проводят еще ярче.

Однако, некоторые статьи содержат обязательства только греческой стороны. Это относится к статье о разрешении руссам служить в греческой армии. Вместе с тем данное разрешение является производным от первой части этой статьи, смысл которой состоит в том, что в случае войны Византии с каким-либо противником Русь может оказать империи военную помощь. Таким образом, в приведенном случае видно, что союзные обязательства несет на себе лишь Русь по отношению к империи.

Греческие обязательства прослеживаются и там, где идет речь о непременном возвращении украденного или убежавшего русского челядина.

Как греческие, так и русские обязательства связаны с непосредственными интересами сторон и продиктованы реальной исторической обстановкой. Греки нуждались в военной помощи Руси в своих военных предприятиях против арабов -- и вот появляется пункт о разрешении руссам служить в византийской армии, что, видимо, отразило издавна складывавшуюся практику. Русская феодализирующаяся верхушка была заинтересована в укреплении своих прав на челядь, рабов, -- и вот греки обязуются возвращать на Русь спасавшихся от неволи челядинов. Византия в свою очередь добилась от русских принятия на себя обязательств по возвращению греческих пленников, что, вероятнее всего, явилось отзвуком недавнего русского похода на Константинополь. Таким образом, эти статьи не только не нарушают общего двустороннего и равноправного характера всего соглашения, но и подчеркивают его взаимовыгодный характер.

И вводная часть договора, и "ряд" договора с его конкретными статьями, и заключительная часть документа, основаны на двусторонних и равноправных обязательствах и Руси, и Византии.

Документ был написан в двух вариантах: один, как уже отмечалось в историографии, шел от греческой стороны, был передан греками русскому посольству и, видимо, был написан по-гречески. Именно этот греческий оригинал и подписал "своею рукою" византийский император. Другой экземпляр шел от русской стороны и был, по-видимому, написан по-русски. Этот русский оригинал, на котором клялись русские послы, и был передан византийским императорам.

Русско-византийский договор 911 г. не являлся ни дополнением соглашения 907 г., ни формальным писанным актом по сравнению с прежним устным соглашением, ни "новым" миром по отношению к миру 907 г. Это был совершенно самостоятельный межгосударственный равноправный "мир-ряд", не только включавший основные положения "мира и любви", провозглашенные в 907 г., но и дополнивший их конкретными статьями "ряда". Оформление этого соглашения происходило по всем канонам тогдашней дипломатической практики относительно заключения договора между двумя равноправными суверенными государствами. Этот договор стал еще одним шагом вперед в развитии древнерусской дипломатии и явился ступенью на пути от устного клятвенного договора 860 г. и, возможно, договора-хрисовула 907 г. к развернутым письменным дипломатическим документам, вершинам раннефеодальной дипломатической документации.

Переговоры по поводу выработки договора, как известно, проводились в Константинополе, там же они закончились и завершились "подписанием" самого акта. Византийские послы не появились в Киеве, Олег не ратифицировал самолично договор. Думается, что такую практику нельзя считать случайной. Русь того времени еще не являлась для Византии государством, которое могло претендовать на полное дипломатическое равенство с мировой империей, и факт проведения процедуры выработки договора в Константинополе это подтверждает.

Включение Руси в стереотипные дипломатические отношения с Византийской

империей видно не только в процедуре выработки договора и его содержании, но и в порядке пребывания русского посольства в Константинополе. Посольство 907 г. было принято по всем канонам тогдашней византийской дипломатической традиции; посольство же, заключившее договор 911 г., достоверность которого А. Г. Кузьмин отнюдь не подвергает сомнению, было лишено такого приема. Совершенно немотивированным представляется тогда и текст о том, что послов отпустили с честью “во свою землю”, что они пришли к Олегу и рассказали ему о ходе переговоров, заключении “мира” и “уряда”. Ставится под сомнение вообще наличие посольства по случаю заключения договора 911 г. Реальная дипломатическая традиция зачеркивается.

Таким образом, описание времяпрепровождения русского посольства в Константинополе также указывает на включение древней Руси в орбиту международной дипломатической практики, а договор 911 г. знаменовал собой качественно новую ступень во всех отношениях: хода выработки соглашения, его содержания, процедуры заключения, практики приема и “отпуска” русского посольства в Византии.

3.2 Содержание и историческое значение договора 944 г. Руси с Византией

В русско-византийских соглашениях прошлого, стоявших в ряду иных византиино-иностраных мирных договоров второй половины 1-го тысячелетия, одним из основополагающих условий являлось либо восстановление, либо утверждение заново мирных отношений между двумя государствами. Идея “мира и любви” проходит красной нитью через договоры 907 и 911 гг., причем, она выглядит там не декларативно, не абстрактно, а непосредственно связана с заключением таких пунктов соглашений, которые были жизненно важны для обеих сторон и при соблюдении которых эти отношения “мира и любви” действительно должны были реализовываться.

Подобная же картина наблюдается в 944 г. Договор Игоря с греками -- типичное межгосударственное соглашение “мира и любви”, которое и восстанавливало прежние мирные отношения между странами, возвращало обе стороны к “ветхому миру” 907 г., и заново регламентировало эти отношения в соответствии с интересами обеих сторон, новыми историческими условиями.

Идея “мира” присутствует в предваряющей договор летописной записи. Автор “Повести временных лет” считал, что византийские императоры прислали в Киев послов “построить мира первого” и Игорь вел переговоры с ними “о мире”.

Договор 944 г. объединил в себе как основные статьи “мира” 907 г., устанавливающие общие принципы политических и экономических взаимоотношений между двумя странами, так и многие конкретные статьи “мира-ряда” 911 г., регулирующие и совершенствующие детали этих отношений.

В грамоте 944 г. подтвержден порядок посольских и торговых контактов, установленный еще в договоре 907 г. Почти без изменений вошел в договор 944 г. текст из соглашения 907 г. о порядке прихода русских послов и купцов в Византию. Договор 944 г. подтвердил обязанность византийского сановника -- “царева мужа”, приставленного к посольству, переписывать состав посольства и в соответствии с

этим списком выявлять слобное послам и месячину купцам из Киева, Чернигова и других городов; вводить руссов в город через одни ворота; охранять их; разбирать возникавшие недоразумения между руссами и греками (“да аще кто от Руси или от Грекъ створить криво, да оправляет то”); контролировать характер и масштабы торговых операций и удостоверять своей печатью на товарах законность произведенной сделки. Но если в договоре 907 г. по поводу функций “царева мужа” говорилось лишь вскользь: он переписывает состав посольства и сопровождает его при входе в город, то теперь эти функции расширены, обозначены более четко. Считается, что договор 944 г. отразил усложнение торговых контактов Руси и Византии, стремление упорядочить их.

Одновременно в статьи, регулирующие политические и торговые отношения двух стран, по сравнению с 907 г. внесены некоторые серьезные коррективы.

Новый аспект в договоре 944 г. приобретают статьи военного характера.

Если в 911 г. имелась лишь одна статья, в которой говорилось о военной помощи со стороны Руси Византии и разрешении руссам оставаться на военной службе в императорском войске в качестве наемников, то в договоре 944 г. развернута целая программа военного союза и взаимной помощи. Д. Миллер совершенно справедливо отметил, что Русь в договоре 944 г. выступает в статусе полноправного союзника Византии. Во второй половине 1-го тысячелетия Византийская империя неоднократно заключала договоры о союзе и взаимопомощи с другими государствами. Условия таких союзов были самыми различными и соответствовали интересам сторон в тот или иной исторический период. Несколько таких договоров о союзе и взаимопомощи были заключены империей в VI в.

Анализ договора 944 г. и его сравнение с ранними русско-византийскими соглашениями показывают, что его содержание вполне соответствовало новому уровню переговоров о его заключении, составу посольства, характеру дипломатического представительства Руси: это было совершенно новое всеобъемлющее политическое соглашение. Конечно, оно подтверждало и возобновляло отношения “мира и дружбы”, утвержденные между Византией и Русью в 907--911 гг., сохранило все те нормы политических, торговых, международно-правовых отношений между странами, которые оказались жизненными и через 30 лет после переговоров в начале X в. Но вместе с тем перед нами не дополнение и развитие соглашения 911 г., а совершенно самостоятельный политический межгосударственный договор о мире, дружбе и военном союзе, отразивший уровень политических и экономических отношений между Византией и Русью в середине X в. Он сочетал в себе многие аспекты соглашений империи с другими государствами и включал статьи и политического, и торгового, и военного, и юридического характера; объединил в себе “мир” 907 г. с “миром-рядом” 911 г. По существу русско-византийский договор 944 г. не только стал новым важным шагом вперед в отношениях между двумя странами, но и отразил крупный сдвиг в развитии древнерусской государственности и соответственно древнерусской дипломатии. История взаимоотношений Византии с другими соседними государствами во второй половине 1-го тысячелетия н. э. не знает (за исключением греко-персидского

договора 562 г.) столь масштабного и всеобъемлющего соглашения, как договор 944 г., и не случайно он явился прочной основой взаимоотношений между двумя государствами на долгие годы.

Он взаимовыгоден, точно так же как отдельные его статьи наполнены духом компромисса. Несомненно, что Русь подтвердила свой политический и торговый статус в Византии и хотя потеряла важное право беспошлинной торговли, но приобрела положение союзника империи, добилась официального признания империей своего влияния на Северных берегах Черного моря, и в частности в устье Днепра. В свою очередь Византия, пойдя на важные уступки относительно утверждения Руси в этом районе, заручилась ее поддержкой в деле охраны своих владений в Крыму и получила сильного союзника в борьбе с внешними врагами, и в первую очередь с арабами.

Принципы составления грамот 911 и 944 г. во многом сходны. В 911 г. Русь также берет слово в начале грамоты, где представляется посольство, излагается его цель, дается клятва в верности договору, а затем следует изложение статей. В заключении, как и в 944 г., дается информация о методе составления грамоты, способе ее утверждения как посольством, так и византийским императором, а затем идет клятва русского посольства соблюдать “уставленных главъ мира и любви” и сообщается об утверждении грамоты императором. Эта схема лишь в более развернутом виде повторена, как видно, и в договоре 944 г.

Следует отметить, что в соответствии с принятой международной практикой Игорь устроил византийскому посольству точно такой же официальный “отпуск” с вручением подарков, какой был организован, согласно летописному тексту, русскому посольству в Константинополе в 911 г. Послов одарили традиционными русскими товарами -- мехами, воском, челядью. Но на этом история заключения договора еще не закончилась: по возвращении на родину византийское посольство было принято императором и доложило ему о визите в Киев, о “речах” Игоря и, видимо, о процедуре принесения присяги русским великим князем и его людьми.

Оригинал текста, включенного в летопись, был, видимо, доставлен византийским посольством в империю, а копия осталась в киевском великокняжеском архиве. Точно так же оригинал греческого текста должен был остаться в Киеве, а копия текста, идущего от греческой стороны, должна была храниться в императорской канцелярии.

Таким образом, впервые в своей истории Русь заключила развернутый межгосударственный политический равноправный договор о мире, дружбе и военном союзе, который подкреплён конкретными статьями в других сферах взаимоотношений двух стран и выработка которого с момента начальных переговоров до их завершающего этапа -- утверждения договора и обмена договорными грамотами -- проходила на самом высоком для того времени уровне отношений Византийской империи с иностранным государством.

3.3 Договор 971 года

Завершающим этапом дипломатической деятельности Святослава явилось заключение им в июле 971 года договора с Византией.

Как сообщает русская летопись, Святослав, убедившись в малочисленности своей дружины в развале антивизантийской коалиции и враждебности печенегов, направил своих послов к Цимисхию с просьбой о мире. Причем летописец убежден, что Святослав находился в это время в Переяславце, а Цимисхий в Доростоле. Итак, мирные переговоры начались. Их ход и содержание, форма и значение самого договора 971 года стали предметом оживленной дискуссии в историографии. В дореволюционной историографии нашли отражение две оценки договора 971 года. Одни историки находили в нем свидетельство неудачи руссов и указание на их поражение в войне с Византией. Другие рассматривали это соглашение просто как документ, восстанавливавший прежние нормы отношений двух государств и включавший ряд новых обязательств Руси на Балканах. Эти же точки зрения нашли отражение и в советской литературе.

В отечественной и мировой историографии по-разному оценивается ход выработки договора, остается неясным вопрос о характере договора: был ли это тягостный для Руси или, напротив, почетный мир, содержал он обязательства одной Руси или обеих сторон, являлся ли он конкретной княжеской грамотой или представлял собой стереотипное международное соглашение, возвращающее обе договаривающиеся стороны к нормам соглашения 944 или даже 907 года.

А теперь о наиболее спорной стороне проблемы: содержании и историческом значении договора 971 года.

Как отмечено в историографии, этот договор имеет форму княжеской грамоты: он составлен от имени Святослава. И недаром ее называли «обетной» грамотой Святослава, первой русской княжеской грамотой. Однако в данных оценках форма подчас заслоняла собой смысл документа. По своему содержанию соглашение 971 года имеет все черты межгосударственного соглашения.

Прежде всего, следует отметить, что, как и в договорах 907, 911, 944 годов, сторонами, заключившими соглашение 971 года, являются два государства. Князь Святослав выступает от имени Руси, «боляр и прочих» («и иже суть подо мною Русь, боляре и прочий», «Яко же кляхъся ко царемъ гречьскимъ, и со мною боляре и Русь вся»). Конечным адресатом грамоты является не только Иоанн Цимисхий, но и его соправители - византийские императоры Василий и Константин «со всеми людьми вашими».

Необходимо иметь в виду и то, что Русь обязуется, а Византия, следовательно, это принимает, и впредь соблюдать «мир» и «свершену любовь» «до конца века». Таким образом, договор охватывает не только живущее поколение, но и поколения будущие, что также является чертой основополагающего государственного соглашения.

Хотя грамота действительно составлена от первого лица и идет от русских к грекам, в этом межгосударственном соглашении выступают две договаривающиеся стороны. И это видно не только из того, что в документе представлены русская и греческая стороны, но и из самого содержания пунктов договора.

Русь и Византия возвращались к нормам отношений, определенным не одним каким-то договором, а всеми прежними русско-византийскими соглашениями, и прежде

всего соглашением 907 года, поскольку именно в нем было сформулировано условие об уплате империей дани Руси. Оставались в силе и принципиальные положения договора 944 года, определяющие отношения между двумя странами. Однако не все они остались без изменений. Договор 971 года, сохранив принцип отношений между Русью и Византией, внес в них новшества, касающиеся тех политических и военных противоречий, которые вызвали конфликт между двумя государствами в 966-967 годах и в дальнейшем привели к русско-византийской войне 970-971 годов. Новый договор от соглашения 944 года отличается тем, что Святослав обязуется не нападать на Византию и на территории, ей подвластные - на Херсонес и подчиненные ему населенные пункты, а также на Болгарию силами русского войска или войск иных стран и народов - союзников или наемников Руси. Одновременно русский князь подтверждает сформулированное еще в договоре 944 года условие о русской помощи империи по просьбе последней. В Согласно договору 971 года, осталось неизменным большинство политических и военных статей договора 944 года.

Практически в договоре 971 года были подтверждены все важнейшие статьи политического, экономического, юридического характера, сформулированные в соглашениях 907 и 944 годов.

В связи с этим рассуждения о том, что договор 971 года содержал лишь обязательства Святослава (русской стороны), становятся безосновательными. В этом документе действительно содержались обязательства русской стороны, но сформулированы они были не в 971, а в 907 и 944 годах, точно так же как договор 971 года включал и все обязательства греческой стороны, взятые на себя Византией, согласно тем же межгосударственным равноправным соглашениям.

Новые же военно-политические обязательства Святослава были выделены в договоре 971 года особо.

Таким образом, смысл договора 971 года состоит в восстановлении между Русью и Византией отношений «status quo», сложившихся к 966 году, то есть к началу первой балканской кампании Святослава. На этом согласились обе стороны, хотя грамота составлена лишь от имени русского великого князя, что само по себе несет в себе элемент определенного ущемления государственного престижа Руси и еще раз говорит о военной неудаче Святослава в 971 году. В связи с этим версия о полной неудаче всей внешней политики Руси этого периода, о договоре 971 года как о «тягостном мире» и т. п. представляется неубедительной. Конечно, балканские позиции Руси были утрачены, но зато были закреплены завоевания в жизненно важных для раннефеодального русского государства районах Северного Причерноморья, в Приазовье и Нижнем Поволжье. Неточными являются и причины, выдвигаемые некоторыми историками для объяснения краткости договора: военное время, особые обстоятельства и т. д. Существует предположение, что договор был кратким потому, что в его расширении не было никакой необходимости: Святослав обязался соблюдать прежние соглашения, новые же политические моменты были в нем отражены в полной мере. В данной военно-политической ситуации это удовлетворяло греков, и они согласились с формой и содержанием выработанного

обеими сторонами договора. В свете изложенного становится понятной ненужность двух разных экземпляров договора, включающих обязательства как русской, так греческой сторон.

С осени 971 по весну 972 года был разыгран последний трагический акт дипломатической борьбы между Русью и империей. Дойдя на возвратном пути в ладьях до днепровских порогов, Святослав обнаружил здесь враждебные орды печенегов и повернул назад в Белобережье, где и зазимовал. В связи с этим в историографии было высказано немало предположений о том, что именно греки инспирировали выступление печенегов против Святослава с тем, чтобы нанести страшному сопернику решающий удар. Однако отмечалось также отсутствие на этот счет точных сведений в источниках. Действительно, в «Повести временных лет» сказано, что печенегов известили о возвращении Святослава «съ маломъ дружины», но имеющем «именъ много» и «полонъ бещисленъ» переяслав-цы, вернее, видимо, антирусски настроенная часть горожан Переяславца, взявшая верх в городе после ухода руссов с Дуная. В то же время нельзя не обратить внимание и на уже приводившиеся сведения Скилицы. Из его сообщения становится ясным, что византийский посол, сообщив печенегам о возвращении войска Святослава на родину и попросив их обеспечить безопасный проход руссов через свои владения, получил отказ. Однако Святославу об этом отказе сообщено не было, и он двинулся вверх по Днепру к порогам в полной уверенности, что его просьба к Иоанну Цимисхию о посредничестве у печенегов исполнена. Неизвестно, организовал ли епископ Евхаитский нападение печенегов на русское войско, оплачена ли была византийским золотом гибель Святослава, но факт дипломатического вероломства греков, характерного для их внешней политики в целом, здесь налицо. В этом решающем дипломатическом единоборстве Святослава и Иоанна Цимисхия последнее слово осталось за византийским императором. И, тем не менее, в результате балканских походов Святослава и заключения договора 971 года Русь сумела закрепить за собой завоевания в Северном Причерноморье, Приазовье, Поволжье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Договоры Руси с Византией сыграли очень большую роль в развитии права на Руси. Они способствовали переходу к более совершенным юридическим формам и понятиям. Нормы, сформулированные в этих договорах затрагивают широкий круг вопросов: это, прежде всего, торговые отношения, нормы международного сотрудничества, уголовного и гражданского права.

Стоит также отметить, что современные договора не создают норм права, а лишь применяют их, в то время как древние договора имели правотворческую функцию, они формулировали нормы права. И, по мнению многих современных историков и правоведов, нормы, сформулированные в тех договорах, имеют отличную юридическую разработанность, особенно нормы международного права.

В договорах Руси с Византией X в., которые сообразуют отечественные нормы права с иноземными, заимствуют в некоторой степени византийское право, большинство ученых видят начало законодательства на Руси. Договор стал главным средством

перехода от обычного права к законодательству.

Договора имели огромное культурное значение, т. к. отчасти подготовили принятие Русью христианства.

С их помощью правители Древней Руси достигли множества, как политических, так и экономических целей, закрепляли свои завоевания и выходили на высший уровень взаимодействия Руси с Византией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев А.А. История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081 г.). Санкт-Петербург «Алетейя», 2000 г
2. История России с древнейших времен и до конца XVIII века. А.Н.Сахаров, Л.Е. Морозова, М.А.Рахматуллин и др.; под редакцией А.Н.Сахарова - М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006 г
3. История государства и права России: в документах, материалах и комментариях/ Автор-составитель Черняев В.С. - Оренбург, 1998
4. Ключевский В.О. О русской истории, М., «Просвещение», 1993
5. Лавровский Н., О визант. элементе в языке договоров русских с греками, СПб, 1853;
6. Повесть временных лет, ч. 1--2, М.--Л., 1950; Памятники русского права, в. 1, сост. А. А. Зимин, М., 1952 (библ.).
7. Пашуто В. Т., Внешняя политика Древней Руси, М., 1968.
8. Салтыкова С.А. Источники древнерусского права. // Российская юстиция, 1997, №1, с. 60.
9. Скрынников Р.Г. История Российская. IX-XVII вв.
10. Юшков СВ., Общественно-политич. строй и право Киевского гос-ва, М., 1949; Размещено на Allbest.ur